

УДК 7.036 (470+571)
ББК 85.103(2) +71.4(2)
О-25

Обстоятельства речи.
Коммерсантъ-Weekend 2007–2022.
Под ред. Елены Нусиновой, Дарьи Смоляниновой,
Татьяны Шишковой – М.: Музей современного
искусства «Гараж», 2023. – 440 с.

Как Владимир Сорокин стер грань между утопией и антиутопией, Иван Шишкин показал нам идеальную Россию, Клинт Иствуд развенчал американские мифы, а одна телевизионная трилогия спасла троих невинно осужденных? В этой книге собраны тексты, выходившие в журнале «Коммерсантъ-Weekend» на протяжении последних 15 лет и описывавшие трансформации культуры и нас самих. Григорий Дашевский, Мария Степанова, Юрий Сапрыкин, Григорий Ревзин, Анна Толстова, Игорь Гулин, Зинаида Пронченко и другие авторы рассказывают о книгах, фильмах, искусстве, музыке и людях, которые определили наш взгляд на окружающий мир.

На обложке: Улан-Удэ, 15 апреля 2014 года
Фото Макса Шера

ISBN 978-5-6049359-8-9

Все права защищены

© Музей современного искусства «Гараж», 2023
© АО «Коммерсантъ», тексты, 2023

От редакции

В этой книге собраны тексты, выходившие в журнале Weekend (пятничное приложение к газете «Коммерсантъ» с 2001 года) в течение последних 15 лет. На протяжении всего этого времени Weekend писал о книгах, фильмах, выставках и спектаклях, менявших культуру, о появлении новых тенденций и возвращении старых, об идеях, словах и образах, определявших наш взгляд на окружающий мир и на самих себя. Собранные здесь тексты представляют этот журнал только отчасти. Среди них мало собственно рецензий, совсем нет интервью, нет развлекательных жанров и больших многосоставных проектов, да и вообще много чего нет. И все же, сложенные вместе, эти тексты рассказывают что-то важное о том, что происходило с нами в течение этих 15 лет.

В книге три части: место, время и образ действия. В первой собраны тексты о том, как место определяет содержание: по большей части они о России — и о том, каким видится остальной мир из нее. Вторая часть — о времени, о том, как мы пытаемся разглядеть свое настоящее в прошлых эпохах и ищем прошлое в окружающей нас жизни. Третья часть сосредоточена вокруг действия и посвящена тому, как, преодолевая различные обстоятельства, люди пытаются изменить мир или остаться собой. Собственно, обстоятельства во всей своей сложности и есть главный предмет этой книги. Речь не только о том, в каких условиях действовали ее герои, но и об обстоятельствах написания текстов и, что немаловажно, их отбора. Эта книга была собрана в Москве в 2022 году, и это обстоятельство стало для нее определяющим.

Оглавление

Место	Здесь
16	Радость отвращения Как Владимир Сорокин стер грань между утопией и антиутопией Григорий Дашевский
20	Художник по своей природе Как Иван Шишкин показал нам идеальную Россию Григорий Ревзин
24	Слеза и топор Достоевщина как общий знаменатель русской жизни Юрий Сапрыкин
37	Болото как русская святыня Как Александр Бродский создал идеальный русский парк Григорий Ревзин
49	Среда выживания Как Максим Шер нашел универсальное постсоветское не-место Анна Толстова
54	Под собственным надзором Как охранник ГУЛАГа увидел СССР с другой стороны Игорь Гулин
58	Как расчеловечить за три недели Путеводитель по аду Варлама Шаламова Ольга Федянина
67	Внутренняя деколонизация Как уральские мари уживались с чужой культурой и сохранили свою Анна Толстова

- 72 «Трусливый страх перед приговорами Европы»
Как Петр I, подняв Россию на дыбы,
поставил ее на колени
Сергей Ходнев
- Там
- 88 Зеркало для пророка
Кем оказывается русский вне России
у Андрея Тарковского
Игорь Гулин
- 93 Пламенный капиталист
Зачем современной Америке снова
понадобилась Айн Рэнд
Григорий Дашевский
- 97 Завершение Европы
Элиас Канетти как зеркало исчезнувшего
континента
Ольга Федянина
- 108 Поколение мертвых
Кто был убит в Сараево
Михаил Трофименков
- 118 Хроники противоестественного
Как В. Г. Зебальд изучал язык свидетельств
катастрофы
Юрий Сапрыкин
- 123 Библия для политически неграмотных
«Персеполис» Маржан Сатрапи как отражение
российской современности
Анна Толстова
- 127 Гонки на переодевание
Как дрэг-квинс боролись с гендерными
стереотипами и победили
Мария Бессмертная

- 142   Биполярное расстройство в двухполярном мире
                 Как пересматривают искусство на Западе
                 и в России
                 Анна Толстова
- Время
- В своем времени
- 150   История в стадии обострения
                 Почему настоящее нельзя сформулировать
                 и какая история нам нужна
                 Дмитрий Бутрин
- 155   Позавчера сегодня
                 Как мы перестали быть собственными
                 современниками
                 Мария Степанова
- 167   В бой идет один сталинист
                 Как Всеволод Кочетов остался верен своему
                 времени
                 Игорь Гулин
- 176   Послевоенные преступления
                 Как Жан-Пьер Мельвиль сводил счета
                 со временем
                 Зинаида Пронченко
- 182   Искусство ниоткуда
                 Как послевоенные художники отменили
                 прошлое
                 Анна Толстова
- 187   Корит — значит любит
                 Как смотрели женщины в кино застоя
                 Игорь Гулин
- 192   Жизнеобразующая интонация
                 Как язык сделал Александра Галича самым
                 антисоветским бардом, но время не сделало
                 его певцом протеста
                 Юрий Сапрыкин

- 197 Повесть об уходящем человеке
Как фильм «Курьер» прощался
с советской эпохой
Игорь Гулин
- 202 Свобода быть музыкой
Как и чем жил мир в день смерти
Фредди Меркьюри
Анна Наринская
- 206 Убить время, похоронить эпоху
«Клан Сопрано» как сериал своего времени
и одновременно первый современный сериал
Василий Степанов
- 215 Между Лией и Рахилью
Данте, Мандельштам и техники выживания
в тяжелые времена
Мария Степанова
- Сквозь время
- 228 Против нелюбви
Как мемуары второго сорта дарят
бессмертие мусору
Мария Степанова
- 236 Свой всех чужих
Как Бетховена пытались присвоить различные
эпохи и направления
Сергей Ходнев
- 251 Как вычеркнуть себя из списка виновных
Альберт Шпеер и его личная победа над историей
Ольга Федянина
- 262 Фильм-Годар
Как в «Безумном Пьеро» упакован целый XX век
Михаил Трофименков
- 275 Эффект «Бригады»
Как самый популярный сериал 2000-х создал
образ «лихих 90-х» и запрограммировал будущее
Юрий Сапрыкин

- 282 Иконоартист
Как Билл Виола перестал быть современным
Анна Толстова
- 288 Когда надежды были большими
Как в песнях группы «Кино» можно обрести
утраченное время
Юрий Сапрыкин
- 293 Он и Оно
Как Он Кавара превратил время в искусство
Анна Толстова

Образ действия

- В одиночку
- 300 История одного поступка
Как мы вышли из тезисов Лютера
Сергей Ходнев
- 304 Догнать войну
Как фотограф Роберт Капа написал самую
страшную книгу о войне
Михаил Трофименков
- 308 Кадры во спасение
Как парижский банкир пытался спасти мир
фотографией
Кира Долинина
- 311 Призраки коммуниста
Как советский замполит захватил корабль,
чтобы устроить новую революцию, и что с ним
сделали
Ульяна Волохова
- 324 Вспышки человечности
Как роман «Жизнь и судьба» защищает право
каждого оставаться человеком
Григорий Дашевский

- 327   Способность всполошить
Письмо Надежды Толоконниковой из ИК-14 как
триумф прямого высказывания
Анна Наринская
- 330   Герой фронта
Как спортивный журналист придумал новый
формат медиа, а заодно и новый образ России
Юрий Сапрыкин
- 338   Портрет молодого человека
с пистолетом в руке
Как Клинт Иствуд развенчал все американские
мифы и создал свой собственный
Мария Бессмертная
- 349   Производство истин
Как 24-летний художник совершил революцию
в современном искусстве
Анна Толстова
- 354   Эксплуатируй это как надо
Как Мелвин Ван Пиблз выбрал голую правду
и изобрел блэксплотейшен
Денис Рузаев
- 365   Трудно быть с богом
Как Станислав Лем отказался от веры
в прогресс и перевернул научную фантастику
Игорь Гулин
- 373   Непреклонная жертвенность
Пауль Целан и право не стать победителем
Григорий Дашевский
- 376   Инструкция по изживанию
Как Николай Островский уничтожил себя,
чтобы стать идеальным текстом
Игорь Гулин

Вместе

- 388 Битва за «Стоунволл»
История бунта, с которого начался
ЛГБТ-активизм
Никита Солдатов
- 402 Вирус человечности
Как эпидемия СПИДа мобилизовала
художников
Анна Толстова
- 407 Кино как улика
Как одна телевизионная трилогия спасла троих
невинно осужденных
Ксения Рождественская
- 414 Путем зерна
Как несколько энтузиастов спасли
человечество от голода
Андрей Бабицкий
- 420 Школа страдания
Как послевоенные художники вернули
в искусство человека
Анна Толстова
- 425 Обретение лиц
Как Pussy Riot разделили нас на мракобесов
и кощунников
Юрий Сапрыкин
- 432 Присоединение войны
Что случилось 17 сентября 1939 года и почему
мы должны об этом знать
Дмитрий Бутрин
- 437 Свобода неволи
Что делать в обстоятельствах несвободы
Андрей Бабицкий

Место

Здесь

Радость
отвращения

Как Владимир
Сорокин
стер грань
между утопией
и антиутопией

Григорий
Дашевский
2008

Две последние книги Сорокина «День опричника» (2006) и «Сахарный Кремль» (2008), изображающие будущую Россию с царем, опричниной, порками, юридическими и полной зависимостью от Китая, доводят до карикатурного предела тенденции режима: изоляционизм, клерикализацию, произвол силовиков. Большинству читателей Сорокина эти тенденции не нравятся, а изображение малоприятного нам политического будущего мы привыкли называть «антиутопия», так что и эти книги мы сразу же автоматически зачислили в этот разряд. Но ведь любое будущее одних может пугать, а других радовать. Например, за два года до выхода первого романа Сорокина, в 2004 году, прогремел доклад политолога Михаила Юрьева «Крепость Россия», где «новый изоляционизм» в духе Московского царства проповедовался как единственное спасение России.

Может показаться, что назвать книгу о будущем утопией или антиутопией — дело попросту читательских убеждений: что для либерала ужас, то для государственника восторг. Но на самом деле эти названия не просто внешние этикетки — утопические и антиутопические книги по-разному устроены.

Если человек видит, что обществу грозит распад, он пишет утопию и показывает, как разум мог бы устранить причины распада и превратить общество в гармоничное целое. «Может ли быть большее зло для государства, чем то, что ведет к потере его единства и распадению на множество частей? И может ли быть большее благо, чем то, что связует государство и способствует его единству?» — сказано в «Государстве» Платона. Главный вопрос утопии — как устроить гармоничное общество, то есть, в сущности, вопрос начальника, поэтому чаще их и сочиняют люди с задатками правителей — реализованными, как у Томаса Мора, успевшего побыть советником короля до попадания на плаху, или нереализованными, как у Платона или Чернышевского, которым поучаствовать в управлении не удалось. Читатель утопий отождествляется не с персонажами внутри этого мира, а с самим этим миром, воплощающим правила разума и справедливости, и радуется, видя свои представления получившими зримую форму.

Антиутопию человек пишет тогда, когда планы начальства по созданию гармоничного целого близки к осуществлению и, главное, когда он боится той части своей души, из которой это гармоничное целое вырастает. Автор

изображает реализацию этих планов, и читатель спрашивает: «Разве можно жить в таком мире?» Это читательское недоумение (негодование) открывает в книге зазор и посылает внутрь книги своего представителя в виде героя, сохранившего представление о минимуме человеческого: о праве утверждать, что дважды два четыре (Уинстон Смит в «1984» Оруэлла), или о праве на «свое место» (землемер К. в «Замке» Кафки), или о праве страдать (Дикарь в «Дивном новом мире» Хаксли) и т.п. Удовольствие мы получаем и от этих мрачных книг, но совершенно иного рода, чем от утопий. Это удовольствие от сознания, что есть какой-то общий для всех нас минимум, атом человеческого, который становится различим именно в уничтожающих его условиях антиутопии. Вокруг этого атома, общего для читателя и героя, мир антиутопии и строится.

Короче говоря, кому дороже целое, пишет (читает) утопии, а кому дороже единичное, пишет (читает) антиутопии.

И вот, вдумываясь в свои впечатления от книг Сорокина, мы видим, что будущее изображено, конечно, не очень радужное, но при чтении никакого особенного недоумения и тем более негодования мы не испытываем. Что на самом деле мы относимся к изображенным поркам и поджогам с тем же смиренно-веселым приятием, что и сами персонажи, с тем же рефреном из «Дня опричника»: «И слава богу». Что никакого зазора между правилами изображенного мира и нашим представлением о вечности на самом деле нет и, соответственно, персонажу, который бы не подчинился законам этого мира и с которым бы мы отождествились, просто некуда втиснуться. И что при чтении мы получаем то самое удовольствие от цельности изображенного мира, от слияния с правилами этого мира, какое обычно испытывает читатель утопий.

Сорокин и раньше изображал цельные утопические миры: советский мир, мир «русской классики» и проч. Но прежде главный его прием состоял как раз в том, чтобы отравить читателю удовольствие от этой целостности, вводя в текст копрофагию, членовредительство, каннибализм и прочие вещи, вызывающие инстинктивное отвращение. Собственно, способность читателя к отвращению и была тем минимумом человеческого, который Сорокин использовал как главный инструмент, превращающий утопию в антиутопию. Но в последних двух книгах он от этого своего фирменного приема

отказывается и почти демонстративно заменяет отвратительное соблазнительным — прямолинейно и подробно написанными эротическими сценами.

Он словно говорит читателю: «Друг перед другом можно не притворяться — нам с вами все это действительно нравится; но посторонние нас не поймут, поэтому пусть внешне это будет сатирическая антиутопия, а внутренне — эротическая утопия». А в число посторонних, от которых мы прячемся, чтобы без помех наслаждаться слиянием друг с другом и с общей для нас целостностью, входит не только внешний мир, но и наш собственный минимум человеческого, чем бы этот минимум ни был — способностью к отвращению, протесту или просто к уходу. То есть Сорокин предлагает нам наслаждаться нашим общим целостным миром, но не забывать, что это наслаждение слегка непристойное; предлагает удовольствие от государственно-верноподданных чувств как от тайного порока.

№33, 29 августа 2008 (приложение «Книжный квартал»)